

DOI 10.15826/qr.2017.3.241

УДК 94(470)+316.722+327.2+316.422

**БОЛЬШИЕ ВЫЗОВЫ В ИСТОРИИ ИМПЕРСКОЙ
РОССИИ: ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ
И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ***

Вениамин Алексеев

Константин Зубков

Игорь Побережников

Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

**BIG CHALLENGES IN THE HISTORY
OF IMPERIAL RUSSIA: CIVILISATIONAL
AND GEOPOLITICAL DIMENSIONS**

Veniamin Alekseyev

Konstantin Zubkov

Igor Poberezhnikov

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

This article is devoted to one of the most complicated issues of Russian history, i. e. the challenges of modernity, which are viewed through the prism of the concept of modernisation (used to describe the transition from a traditional agrarian society to an industrial and urban one). A historical challenge is a complex category, not a simple action “to spite the arrogant neighbour”. One of the main reasons for its emergence is technological revolutions that fundamentally change the conditions of human communities. Typologies of challenges vary from natural and climatic to social and political. Russia has come across many

---

* *Citation:* Alekseyev, V., Zubkov, K., Poberezhnikov, I. (2017). Big Challenges in the History of Imperial Russia: Civilisational and Geopolitical Dimensions. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 3, p. 619–634. DOI 10.15826/qr.2017.3.241.

Цитирование: Alekseyev V., Zubkov K., Poberezhnikov I. Big Challenges in the History of Imperial Russia: Civilisational and Geopolitical Dimensions // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 3. P. 619–634. DOI 10.15826/qr.2017.3.241 / Алексеев В., Зубков В., Побережников И. Большие вызовы в истории имперской России: цивилизационное и геополитическое измерение // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 3. С. 619–634. DOI 10.15826/qr.2017.3.241.

of them. Civilisational, geopolitical, technological, socio-political, cultural, and ideological challenges are the most typical of the imperial period. Their research discusses the characteristics of the essence of a challenge, the need to understand it, respond to it, the struggle of opinions about the reaction to them, and the evaluation of the results achieved. As an example of this approach, the authors consider two of the aforementioned challenges. In Russian historiography, the concept of “challenges” is not uncommon, but quite often the reaction to them did not take into account the dynamics of modernisation. The method put forward by the authors, based on the “challenges and responses” scheme, makes it possible to bridge this gap and provides practically meaningful results without them being ready-made recipes. Preliminary conclusions about two of the indicated challenges demonstrate that they were only slowly understood by the Russian ruling elite, which resulted in the cataclysms of the First World War and the Revolution of 1917 that put Russia on the brink of a civilisational catastrophe, although one should not forget that in the course of the period under study the country turned into a power of world significance.

Keywords: history of Russia; civilisational identity; civilisational status; geopolitics; modernization; poly-ethnicity; expansionism.

Вызовы Нового времени в российской истории рассматриваются сквозь призму концепции модернизации – перехода от традиционного аграрного общества к индустриально-урбанизированному. Одна из главных причин возникновения исторических вызовов – технологические революции, принципиально меняющие условия существования человеческих обществ. Показано, что типология вызовов, с которыми сталкивалась Россия, очень разнообразна – от природно-климатических до социально-политических. Наиболее типичными для имперского периода были цивилизационные, геополитические, технологические, социально-политические, культурно-мировоззренческие. Их исследование включает характеристику сущности вызова, необходимость его осознания и возможности ответа, борьбу мнений по поводу ответа, оценку достигнутых результатов. Обращено особое внимание на цивилизационный и геополитический аспекты. В российской историографии понятие «вызовы» не редкость, но ответы на них часто давались без учета модернизационной динамики. Предложенный метод анализа по схеме «вызов – ответ» поможет преодолеть такую ситуацию и дать практически значимые результаты. Вызовы с опозданием осознавались российской правящей элитой, что и привело в конечном счете к катаклизмам Первой мировой войны и революции 1917 г., поставивших Россию на грань цивилизационной катастрофы. При этом, по мнению авторов, надо оценивать усилия, приложенные населением страны, в результате которых она за рассматриваемый период добилась значительного прогресса, превратившись в державу мировой значимости.

Ключевые слова: история России; цивилизационная идентичность; цивилизационный статус; геополитика; модернизация; полиэтничность; экспансионизм.

Современный мир переживает гигантскую, невиданную ранее трансформацию. В этой ситуации перед Россией встают новые глобальные вызовы, которые по ряду позиций типологически сходны с уже наблюдавшимися в истории. Вопрос о том, в чем они заключались, когда возникали и каковы были ответы на них, особенно актуален сегодня, когда страна приступила к реализации новой «Стратегии научно-технологического развития» [Стратегия, с. 16747–16760], поэтому он требует особого внимания и специального изучения. В нашу задачу входит исследование больших вызовов, встававших перед Россией в эпоху Нового времени (XVII – начала XX в.), с целью выяснения их происхождения, характера, влияния на судьбу государства и обобщения исторического опыта ответов на них, в первую очередь модернизационного, связанного с переходом от традиционного аграрного к индустриально-урбанизированному обществу. Постановка проблемы в таком ракурсе предпринимается впервые и сопряжена со значительными сложностями, поскольку она носит острый социально-политический характер, требующий совмещения понятийного аппарата исторической, политологической и социологической наук, анализа исторических событий в фокусе многовекторной детерминации.

Понятие «вызов» впервые ввел в научный оборот британский историк А. Тойнби, который использовал его для характеристики реакции той или иной цивилизации на затруднения в ее существовании по причинам как внутренних, так и внешних угроз. Он считал, что общество в своем жизненном процессе сталкивается с рядом проблем, и каждая из них есть вызов, который побуждает к ответу, чем содействует его совершенствованию [Тойнби, с. 119–120]. При этом он утверждал: «Чем сильнее вызов, тем оригинальней и созидательней ответ», а «основной критерий и фундаментальная причина надломов цивилизаций – внутренний взрыв, через который общество утрачивает свойство самодетерминации» [Там же, с. 140, 336]. Не последнюю роль в таком процессе играет идолопоклонство, в чем «кроется одна из причин возникновения надломов, за которыми следуют распады цивилизаций» [Там же, с. 339]. Понятие «вызов» неоднократно применялось к России как в политологическом [Абрамова, Гаврилов, Голдин и др.; Антонович; Панарин; Примаков], так и в историческом планах [Алексеев, 2004; Алексеев, 2010; Ахиезер; Ахиезер, Ильин; Ерасов; Игнатъев; Проскуракова; Уткин; Шаповалов], но оно касалось преимущественно внешнеполитических угроз и препятствий развитию России, тогда как не менее важно понимание вызова во внутриполитическом аспекте – как имманентного качества российской цивилизации, характерного для нее принципа организации государства и общества. На это нами обращается особое внимание.

Конкретный вызов зарождается в определенную эпоху на основе специфической ситуации в обществе, возникающей, как прави-

ло, на базе новых технологических достижений или обострения прежних условий существования. Типология вызовов, изучаемых исторической наукой, многообразна – от природно-климатических до социально-политических. Наиболее типичны для эпохи Нового времени цивилизационные, геополитические, технологические, социально-политические, культурно-мировоззренческие. Их исследование включает характеристику сущности вызова, необходимость реакции на него, возможность ответа, борьбу мнений по этому поводу, оценку достигнутых результатов. В качестве примера такого подхода по причине ограниченности объема статьи остановимся только на двух первых.

В связи с тем, что в рассматриваемый период Российская держава столкнулась с вызовами Нового времени, ознаменовавшего переход от традиционно-аграрного к индустриально-урбанизированному обществу, теоретико-методологической основой изучения этих вызовов может служить концепция модернизации как явления цивилизационного масштаба, глобального феномена мировой истории. Поэтому целесообразно идти по пути синтеза модернизационного и цивилизационного подходов, соотнося историческую динамику цивилизации с влиянием модернизации. Применительно к воздействию последней на российскую цивилизацию следует отметить длительное сохранение ее фундаментальных оснований при значительном включении зарубежных инноваций, слабость эндогенных факторов и множественность фронтиров.

Существенно важной является проблема стратегий и моделей имперской модернизации. В строгом смысле юридически оформленных документов на сей счет не существовало, как и самого понятия. Разными монархами и их сановниками формулировались позиции по тому или иному аспекту модернизационного процесса в зависимости от конкретных обстоятельств, но они никогда не сводились в единое целое. Российская традиционность в некоторой степени преодолевалась традиционными же способами – самодержавием и крепостничеством, причем в отдельных моментах весьма эффективно. За неполную первую половину XVIII в. уральские промышленники Демидовы умножили свой капитал в тысячу раз. Для феодального периода темпы его саморазвития считаются исключительными. При этом вплоть до революционных потрясений начала XX в. страна оставалась полутрадиционным обществом. Даже государственный орган, призванный специально заниматься организацией индустриального развития, был создан только в 1905 г., а подавляющая масса населения оставалась преданной авторитарному режиму, что порождало идолопоклонство, сервиллизм, беспредельную патриархальную веру в царя-батюшку (люди целовали тень императора Николая II во время празднования 300-летия династии Романовых) (подробнее см.: [Опыт; Побережников, 2006; Социально-демографические... трансформации; Человек]).

Цивилизационные вызовы

Сущность цивилизационного вызова заключается в предельно широкой совокупности противоречий, проблем, угроз и ответов на них, которые объективно требуют реакции всего цивилизационного организма, тотальной мобилизации усилий, что было характерно для российской цивилизации практически на всех этапах ее существования. Она зародилась между двух миров – между Востоком и Западом, каждый из них оставил неизгладимый след в ее истории, который ощущается до сих пор. Отсюда противоречивость в характере народа и его судьбе. Эта цивилизация формировалась в сложных природно-климатических условиях в центре Евразийского материка, вдалеке от традиционных морских путей сообщения и центров античной цивилизации, но никогда не была ничьей колонией и на протяжении всей своей истории сохраняла собственный цивилизационный код.

Применительно к российской истории установление взаимосвязи между модернизационными процессами и цивилизационной динамикой заслуживает особого внимания. Дело в том, что пограничное месторасположение страны в целом между различными цивилизационными мирами оказывало и продолжает оказывать существенное влияние на ее исторические судьбы и цивилизационную специфику, существенно усложняя последнюю. Споры по поводу цивилизационного статуса страны не стихают до сих пор. При этом ответы на последний вопрос можно свести к следующим позициям: филиал западной цивилизации; цивилизация восточного типа; своего рода мост между Западом и Востоком, гибрид восточной и западной цивилизации; уникальная цивилизация, отличная от Европы и от Азии, от Запада и от Востока (Евразия); последовательность субцивилизаций в рамках единого цивилизационного феномена; не самостоятельная цивилизация, а своеобразный ансамбль цивилизаций и этнокультурных анклавов, неоднородное, сегментарное общество (недоцивилизация). В действительности целый ряд фактов (наличие определенной целостности, мощной способности к регенерации после смут и расколов, тенденции к цивилизационной экспансии) свидетельствует в пользу признания цивилизационной самостоятельности и социокультурной целостности России. Специфика последней в структурном плане, как нам кажется, может быть адекватно описана при помощи концепта «пограничной» цивилизации².

В видовом отношении российский культурно-исторический массив адекватно, как нам представляется, раскрывается понятием «евразийская цивилизация». Евразийская цивилизация входит в тот типологический ряд, который отмечен взаимодействием цивилизационных

---

² Подобная цивилизация характеризуется относительной молодостью, социокультурной гетерогенностью, симбиотичностью, наличием двух или нескольких культурно-ценностных «ядер», возможно, антиномичностью и социокультурными дивергенциями [Побережников, 2013].

компонентов западного и восточного типа, двух основных типов мирового цивилизационного развития – Запада и Востока.

Ядро евразийской цивилизации начало складываться в Восточной Европе на основе восточной ветви христианства, заимствованной в X в. во времена Киевской Руси из Византии. Будучи включенной благодаря христианству в общеевропейский культурный процесс, эта цивилизация уже в период своего становления получила «прививку» достижений восточных миров, что облегчало в дальнейшем взаимодействие ее носителей с представителями культур Востока.

Российская евразийская цивилизация формировалась постепенно на протяжении столетий, расширяя при этом свою территорию во всех направлениях. В подобных условиях цивилизационная пограничность обуславливалась не только естественной социокультурной многоядерностью цивилизационной матрицы, но и наличием фронтирных зон, где имели место этноцивилизационные контакты.

Представляется, что в основных чертах российская цивилизация сложилась в XVI–XVII вв. под воздействием практически всего перечня «тойнбианских» вызовов:

- вызов сурового климата (природно-климатические условия, не слишком благоприятные для занятий сельским хозяйством и ведения торговли);

- вызов новых земель (колонизация);

- вызов внезапных ударов от соседних обществ (поход хана Батые, последующее ордынское правление; давление западного мира с начала XVII в.);

- вызов постоянного внешнего давления (степняки-кочевники на протяжении столетий);

- вызов ущемления (ордынское иго).

Российская цивилизация изначально отличалась от западной (атлантической) тем, что вышла из Восточной Римской империи, в то время как атлантическая – из Западной. Они перманентно противостояли друг другу. В рассматриваемый период в силу исторических причин российская цивилизация заметно отставала от западной, где зарождались принципиально новые технологии, которые, с одной стороны, позволяли Западу оказывать давление на нее, а, с другой, появлялась жизненно важная необходимость их перенимать. В этом процессе возникало как противоборство, так и сотрудничество. Осознание необходимости ответа на вызовы было условием существования российской цивилизации. По некоторым подсчетам, время с 1368 по 1893 г. (525 лет) прошло во всевозможных войнах. На два года войны приходился лишь один год мира [Лосский, с. 227]. Уже в XVII в. при царях Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче произошло осознание необходимости догонять Запад, хотя бы в военной сфере. Более глубоко осознал вызов Запада Петр I. Он предпринял неординарные, даже экстраординарные меры для того, чтобы путем мобилизационного рывка преодолеть отстав-

ние от Европы. При нем понимание необходимости догнать Запад становится императивной идеей преобразований, которые во второй половине его царствования принимают комплексный системный характер и продолжают при последующих императорах вплоть до гибели империи (см.: [Миронов; Рязанов]).

Возможности для ответа на этот вызов у российской цивилизации были ограничены. Не очень благоприятные для экономического развития природно-климатические условия препятствовали быстрому росту объема валового национального продукта и, соответственно, ограничивали возможности государства для обеспечения расходов на развитие приоритетных направлений экономики. На протяжении столетий продолжалось расширение территории страны. Колонизируемые пространства усложняли условия и факторы экономического роста, но стимулировали стремление адаптироваться к сложившимся, пусть и неблагоприятным условиям. Расселение на громадных просторах приводило к возникновению небольших изолированных друг от друга поселений, что не создавало условий для динамичного общения, формирования и отстаивания общих интересов. Отдаленность от морей и гигантские расстояния ограничивали развитие торговли. При этом доминирующий восточный вектор российской колонизации со временем увеличивал удаленность страны от моря, что в плане торговли способствовало росту транспортных издержек при перевозке товаров и делало более дорогостоящей интеграцию страны в международное разделение труда.

Ряд факторов препятствовал формированию сильного государства, способного эффективно управлять на гигантских территориях. Слабый контроль над государственным аппаратом, раскол между народом и властью, общая бедность (включая большую часть дворянства и купечества) вынуждали прибегать к жестким мерам – от непомерных налогов до использования подневольного труда. Перечисленные обстоятельства провоцировали использование мобилизационных мер для преодоления больших вызовов: это и крепостничество, которое при Петре I приобрело тотальный характер, и казенное предпринимательство, и государственный протекционизм, и др. Лишь в контексте нового модернизационного рывка на базе перехода к раннеиндустриальному типу технико-экономического развития, начавшегося с реформ Александра II, стал набирать силу процесс высвобождения общества от всепроникающего государственного контроля, экономическая и социально-культурная сферы получили элементы автономии, что на практике означало реальное движение по модернизационному направлению.

Борьба мнений по проблемам модернизации страны представляла собой выражение разных подходов к пониманию ее цивилизационного статуса. Традиционно принято констатировать спор западников и славянофилов, на самом же деле ситуация была намного сложнее. Не следует преувеличивать полярность и тем более непримиримость

позиций спорящих – фактически и те, и другие были носителями европейской культуры.

Во второй половине XIX – начале XX в. во властных структурах и обществе активизируются разработка и обсуждение планов укрепления государственной безопасности страны, решения стоящих перед ней геополитических задач. Осознается особое место России в системе мировых держав. Все большее внимание начинает уделяться идеологическому обоснованию проводившейся политики. В этом плане идеи, высказанные Н. Я. Данилевским, органично вписываются в контекст времени. Постепенно формируется и представление об особом цивилизационном статусе России (см.: [Ионов, с. 270–281]).

Три волны модернизации: ответ государства и общества

Петровская волна модернизации была примером догоняющей модернизации, косвенные последствия которой оказались едва ли не важнее непосредственных практических достижений и провалов эпохи. С одной стороны, был дан старт русскому Просвещению. С другой стороны, методы, с помощью которых Пётр внедрял свои проекты, в исторической перспективе создали мощную антилиберальную традицию в российской социальной жизни. Реагирование на эти противоречия, а также ответы на вновь возникающие вызовы времени составили содержание второй, екатерининско-александровской волны модернизации (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Фактически она прошла под знаком утилитаризма и меркантилизма, и ее результаты оказались векторно разнонаправленными: рост либеральных тенденций соседствовал с пережитками крепостничества, эмансипация дворянства способствовала расколу общества, узакониванию и даже санкционированию авторитарно-директивных стратегий и тактики проведения модернизационных проектов.

В эпоху третьей волны модернизации (конца XIX – начала XX в.) отчетливо прослеживается стремление идеологически осмыслить происходящее. Еще с момента принятия официальной идеологической триады «самодержавие, православие, народность» (авторство этой теории традиционно приписывается министру народного просвещения при Николае I графу С. С. Уварову) шла апелляция к старомосковской традиции, отчего этот феномен получил название «русского традиционализма» [Суворов, с. 17–18]. Такая парадигма развития неизбежно усиливала симптомы «расколотого общества» и катализировала социокультурные конфликты. В целом успехи третьей волны были значительными, а вызванный модернизацией и сопровождавший ее духовный и интеллектуальный подъем сам по себе являлся важнейшим результатом и итогом данного историко-культурного процесса.

Оценка достигнутых результатов определяется тем, что при всей незавершенности модернизационного процесса достижения Петров-

ской эпохи позволили России почти полтора столетия держаться на равных с ведущими европейскими державами в военно-политическом отношении, но с конца XVIII в. в Западной Европе начался переход к раннеиндустриальному типу технико-экономического развития. Ведущие западноевропейские державы в результате первой промышленной революции сделали крупный шаг по пути дальнейшей модернизации.

Происходившие на Западе перемены российское самодержавие, сосредоточившееся на укреплении своей власти, не сумело вовремя заметить и оценить в полной мере. В начале Крымской войны правящие круги не сомневались в достаточной военной мощи Российской империи. Поражение в войне, ставшее следствием технической и социально-экономической отсталости России, вновь заставило обратиться к решению задачи модернизации страны.

Новый модернизационный рывок на базе перехода к раннеиндустриальному типу технико-экономического развития в конце XIX – начале XX в. сопровождался резким скачком промышленного производства, ростом индустриального потенциала страны, значительными успехами урбанизации, усилением политической активности, стремлением масс к непосредственному участию в политической жизни страны. Однако в Первую мировую войну Россия вступила, так и не завершив раннеиндустриальной модернизации. Это стало причиной уязвимости ее политических институтов формирующегося гражданского общества перед угрозами внутреннего и внешнего характера. Потенциальная возможность для революционных потрясений так и не была полностью устранена, что и показали события 1917 г.

В конечном счете, европейский вызов России носил цивилизационный характер и охватывал широкий спектр проблем – территориальной целостности, этнической и конфессиональной независимости, технико-экономической и культурно-мировоззренческой конфронтации, что выражалось в войнах, этническом и конфессиональном противостоянии, но, с другой стороны, в экономическом, династическом и культурном взаимодействии. В целом цивилизационный вызов – это фактически константа, поскольку цивилизации имеют различные фундаментальные основания, которые ведут к перманентным столкновениям национальных интересов, особенно на рубеже технологических революций.

Геополитические вызовы и векторы российской рефлексии

Сущность геополитических вызовов, с которыми сталкивалась Россия в имперскую эпоху, определялась в первую очередь комплексом пространственно-географических и природно-климатических условий, в которых происходило становление Российского

государства. Сложившееся на открытом незащищенном равнинном пространстве восточноевропейской периферии историческое ядро Российского государства находилось под перманентным военным давлением со стороны цивилизованных государств Европы с запада и кочевых орд с юга, в связи с чем доминирующими векторами расширения его территории стали восточный и северо-восточный. Как результат, путем военной и аграрно-промысловой колонизации Северной Евразии Россия обрела крупнейшую, но удаленную от центров мировой экономики, редко населенную и слабо освоенную территорию. Поддержание эффективного контроля над такой территорией, ее обустройство и оборона представляли первый и наиболее значительный геополитический вызов развитию страны. При этом не снималась и задача дальнейшей экспансии, главный смысл которой заключался в устранении внешних угроз с помощью достижения «естественных рубежей» безопасности и улучшения геополитического положения страны путем завоевания выхода к незамерзающим морям (Балтика, Черное море, Тихий океан), обеспечивавшим вхождение в систему международной торговли.

Другой геополитический вызов колоссальной важности, действовавший в течение всей рассматриваемой эпохи, заключался в особенностях географического положения России. Гранича с цивилизациями Запада и Востока, Россия не столько имела возможность использовать богатство этих связей, сколько вынуждена была отражать экспансионистские устремления соперничающих с ней государств. В XVII–XVIII вв. ей приходилось испытывать военное давление с запада (войны с Речью Посполитой и Швецией) и, помимо этого, оспаривать контроль над центральными частями Евразии у османской Турции, цинского Китая, среднеазиатских ханств. После наполеоновских войн эти угрозы трансформировались в вызовы, связанные с зарождением глобальных масштабов и форм противостояния России быстро модернизирующимся, технологически и экономически превосходившим ее империям и коалициям государств. В конце XIX в. этот периметр потенциальных внешних угроз распространился и на Дальний Восток, где источником таковых стала быстро модернизовавшаяся Япония.

Правящей элите Российской империи в целом было присуще понимание вышеупомянутых геополитических вызовов, что находило отражение в соответствующих стратегиях внешней политики и внутренних преобразований государства. Начиная с Петра I, главный упор делался на формирование сильной в военном отношении державы, что последовательно вызвало ряд модернизационных сдвигов в экономике и государственном управлении. В последующем именно геополитические вызовы всякий раз служили иницилирующими импульсами для наращивания модернизационных усилий. Рост военного могущества страны позволил в течение XVIII в. успешно решить исторические задачи завоевания выходов

к Балтийскому и Черному морям, что существенно ускорило экономическое развитие России. Приоритет военных задач в формировании ответов на геополитические вызовы не мог не повлиять на особенности экономического и социально-политического развития России. Государственная форма военной империи позволяла не только аккумулировать ограниченные финансово-экономические ресурсы на военные нужды государства, но и предопределила характер управления социально-экономическими процессами, способствуя возрастанию в нем роли государства. Одним из важных стратегических решений в условиях постоянных военных угроз был курс на расширение внутренних территориальных баз развития с целью достижения высочайшей степени самообеспечения страны всеми необходимыми ресурсами.

В XIX в. единство стратегического видения при формулировании ответов на геополитические вызовы было в значительной степени утрачено. Рост военного могущества Российской империи, колоссальный объем задач, который ей приходилось решать не только в Европе, но и в Азии, обострили проблему геополитического и цивилизационного самоопределения России, прежде всего по отношению к Европе. К концу XIX в. это вылилось в дискуссии о внешнеполитических приоритетах России: планам усиления влияния России на Балканах и в зоне проливов противостояли предложения искать условия ее будущего процветания на путях дальнейшего освоения Сибири и усиления ее позиций на берегах Тихого океана («восточный сдвиг») [Зубков, 2011, с. 23–24]. В течение XIX в., особенно на фоне военных кампаний России в Средней Азии, предметом острых дискуссий среди правящей элиты был вопрос о необходимости положить пределы российской экспансии.

Анализ возможности ответа на геополитические вызовы, которые формулировались правящей элитой империи, позволяет заключить, что «военная революция» в сочетании с активной, по преимуществу силовой внешней политикой, направленной на разрешение узловых геополитических проблем, могла рассматриваться лишь как первичная быстро исчерпавшая себя форма реагирования на внешние угрозы и вызовы. По мере того, как военное могущество становилось все более зависимым от достижений технологического прогресса и общих экономических ресурсов государства, возможность эффективных ответов на геополитические вызовы также ставилась в зависимость от роста экономических возможностей государства. Последние определялись не только общим технико-технологическим уровнем индустриального потенциала страны и ее ресурсно-экономическим богатством, но и таким территориальным размещением производительных сил страны, которое обеспечивало наилучшие возможности создания глупо эшелонированной стратегической обороны против любого вероятного противника.

Ответы государства и общества на геополитические вызовы

Поскольку геополитические вызовы затрагивают наиболее важные, коренные интересы государства, связанные с его безопасностью, а ответы на них воплощаются в крупных структурных сдвигах, призванных изменить направление и характер его развития, соответствующая деятельность государства, выраженная в сериях правительственных мероприятий, не может не вовлекать в них широкие социальные силы. Поддержка правительственной политики обществом являлась важным условием успеха в преодолении геополитических вызовов, стоявших перед страной. Первоначально единство государственной воли и общественной поддержки во многом обеспечивалось принудительным образом через структуру абсолютистского государства, в котором существовало жесткое прикрепление отдельных сословий к выполнению государственных повинностей и функций, хотя это и не исключало использования власти в своих целях спонтанных проявлений социальной (в том числе пространственной) мобильности. Это, в частности, нашло отражение в формировании казачьих войск на геополитически проблемных участках русских границ, в поощрении процессов вольно-народной колонизации обширных пространств Евразии. Именно аграрная колонизация восточных территорий, а затем и юга Русской равнины явилась решающим условием их окончательного закрепления в составе Российского государства.

Оценку достигнутых результатов реакции на многочисленные геополитические вызовы, сопутствовавшие развитию России в имперскую эпоху, можно считать соответствовавшей условиям времени и в определенной мере эффективной. Вместе с тем, необходимо отметить и слабости, которые были присущи геополитической стратегии Российского государства в рассматриваемую эпоху. Если в XVIII в. на волне совершенной Петром I «военной революции» Российской империи удалось силовыми методами успешно разрешить целый ряд сложных геополитических проблем, то с середины XIX в. ответы на геополитические вызовы даются уже с известным запозданием, чаще всего в режиме вынужденного реагирования на военные поражения (Крымская война, Русско-японская война). Неоднократно Россия вынуждена была отступать от ранее завоеванных ею позиций, когда вставала перед риском затяжной войны с сильным противником. Это свидетельствовало о том, что государство серьезно отставало от требований времени в формировании экономического базиса активной внешнеполитической стратегии, а значит, и в проведении необходимых социально-экономических преобразований. Патримониальное по происхождению абсолютистское государство

продолжало сохранять сильнейшую связь с системой отношений традиционного сословного общества, хотя на последнем этапе своего существования предпринимало немалые усилия по форсированному развитию индустриального капитализма [Зубков, 2017, с. 67–68]. Эта двойственность предопределяла непоследовательность и половинчатость в проведении назревших социально-экономических преобразований, а, следовательно, и ограниченные возможности в реализации геополитической стратегии. То замедленное движение по пути индустриального прогресса, которое Российская империя демонстрировала долгие годы, требовало для достижения ею необходимой степени экономической зрелости длительной полосы плавного мирного развития, чего страна лишилась со вступлением в Первую мировую войну.

* * *

Таким образом, в рассматриваемый период на долю России выпало немало вызовов. Среди них главный – переход от традиционного аграрного к индустриально-урбанизированному обществу (модернизация), с его преодолением она в основном справлялась до рубежа XX в. Страна решила ряд крупных задач своего времени и вошла в число великих держав эпохи. Однако замедленное реагирование на западный модернизационный вызов привело к тому, что Россия оставалась недостаточно развитой в индустриальном отношении, с нерешенными аграрными и социально-политическими проблемами, что привело к революционным потрясениям начала XX в.

Список литературы

- Абрамова О. Д., Гаврилов Ю. Н., Гольдин Г. Г. и др.* Геополитические вызовы и внешнеполитическая деятельность России : монография. М. : Изд-во Рос. акад. гос. службы, 2002. 278 с.
- Актуализация потенциала исторической науки. Екатеринбург : РИО УрО РАН, 2013. 272 с.
- Алексеев В. В.* Общественный потенциал истории. Екатеринбург : Изд-во УрГИ, 2004. 643 с.
- Алексеев В. В.* Российская цивилизация (признаки, этапы развития, итоги и уроки) // Урал. ист. вестн. 2010. № 3. С. 4–14.
- Антонович И. И.* Геополитические вызовы России и миропорядок XXI века. М. : МАКС Пресс, 2007. 270 с.
- Ахизер А. С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) : в 2 т. Новосибирск : Сибир. хронограф, 1998. Т. 1. 804 с.; Т. 2. 594 с.
- Ахизер А. С., Ильин В. В.* Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М. : Изд-во МГУ, 2000. 300 с.
- Ерасов Б.С.* Цивилизации: универсалии и самобытность. М. : Наука, 2002. 524 с.
- Зубков К. И.* Геополитическая мотивация разработки и реализации Урало-Кузбасского проекта // Урал. ист. вестн. 2011. № 1. С. 22–27.
- Зубков К. И.* Модернизирующаяся империя и истоки русской революции 1917 г. // Урал. ист. вестн. 2017. № 3. С. 61–70.

- Игнатъев А. В.* Внешняя политика России в конце XIX – начале XX века : (Россия перед вызовами новой эпохи). М. : Геос, 2011. 220 с.
- Ионов И. Н.* Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. М. : Наука, 2007. 499 с.
- Лосский Н. О.* Условия абсолютного добра. М. : Политиздат, 1991. 367 с.
- Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014–2015. Т. 1. 896 с.; 2015. Т. 2. 912 с.; Т. 3. 992 с.
- Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М. : Наука, 2000. 244 с.
- Панарин А. С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М. : Алгоритм, 2002. 496 с.
- Побережников И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу : Теоретико-методологические проблемы модернизации. М. : РОССПЭН, 2006. 237 с.
- Побережников И. В.* Фронтальная модернизация как российский цивилизационный феномен // Россия реформирующаяся. Вып. 12. М. : Новый хронограф, 2013. С. 246–274.
- Примаков Е. М.* Вызовы и альтернативы многополярного мира : Роль России. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2014. 316 с.
- Проскуракова Н. А.* Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопр. истории. 2005. № 7. С. 153–165.
- Рязанов В. Т.* Экономическое развитие России : Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб. : Наука, 1998. 796 с.
- Социально-демографические и культурно-ментальные трансформации в контексте российских модернизаций XVIII–XX вв. Екатеринбург : АСПУр, 2014. 162 с.
- Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 49. С. 16747–16760.
- Суворов Д. В.* Смена субцивилизаций и модернизационные волны в культурно-историческом развитии России : автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург : [Б. и.], 2006. 25 с.
- Тойнби А. Дж.* Постигание истории. М. : Прогресс, 1991. 736 с.
- Уткин А. И.* Вызов Запада и ответ России. М. : Алгоритм, 2002. 541 с.
- Факторный анализ российского исторического процесса. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2011. 260 с.
- Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект. Екатеринбург : ИИА УрО РАН, 2011. 383 с.
- Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв. Екатеринбург : УрО РАН, 2015. 407 с.
- Шаповалов В. Ф.* Истоки и смысл российской цивилизации. М. : ФАИР-Пресс, 2003. 628 с.

References

- Abramova, O. D., Gavrillov, Yu. N., Goldin, G. G. et al. (2002). *Geopoliticheskie vyzovy i vneshnepoliticheskaya deyatel'nost' Rossii* [Geopolitical Challenges and Foreign Policy Activity of Russia]. Moscow, Izdatel'stvo Rossiyskoy akademii gos. sluzhby. 278 p.
- Akhiezer, A. I. (1998). *Rossiya: Kritika istoricheskogo opyta (sotsiokul'turnaya dinamika Rossii)* [Russia: Criticism of Historical Experience (Sociocultural Dynamics of Russia)]. 2 Vols. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf. Vol. 1. 804 p.; Vol. 2. 594 p.
- Akhiezer, A. S., Ilyin, V. V. (2000). *Rossiyskaya tsivilizatsiya: sodержanie, granicy, vozmozhnosti* [Russian Civilization: Content, Boundaries, Opportunities]. Moscow, Izdatel'stvo MGU. 304 p.
- Aktualizatsiya potentsiala istoricheskoy nauki* [Actualization of the Potential of Historical Science]. (2013). Yekaterinburg, RIO UrO RAN. 270 p.
- Alekseyev, V. V. (2004). *Obshchestvennyy potentsial istorii* [The Social Potential of History]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo UrGI. 643 p.

Alekseyev, V. V. (2010). Rossiyskaya tsivilizatsiya (priznaki, etapy razvitiya, itogi i uroki) [Russian Civilisation (Signs, Stages of Development, Results and Lessons)]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, 3, pp. 4–14.

Antonovich, I. I. (2007). *Geopoliticheskiye vyzovy Rossii i miroporiyadok 21 veka* [Geopolitical Challenges of Russia and the World Order of the 21st Century]. Moscow, MAKSPress, 270 p.

Chelovek v usloviyah modernizatsii XVIII–XX vv. [Man in the Conditions of Modernisation between the 18th and 20th Centuries]. (2015). Yekaterinburg, UrO RAN. 407 p.

Faktornyy analiz rossiyskogo istoricheskogo protsesssa [Factor Analysis of the Russian Historical Process]. (2011). Yekaterinburg, Izdatel'stvo UMTs UPI. 260 p.

Ignatyev, A. V. (2011). *Vneshnyaya politika Rossii v kontse XIX – nachale XX veka (Rossiya pered vyzovami novoy epokhi)* [The Foreign Policy of Russia between the Late 19th – Early 20th Centuries (Russia before the Challenges of a New Era)]. Moscow, Geos. 220 p.

Ionov, I. N. (2007). *Tsivilizatsionnoye soznaniye i istoricheskoye znaniye : problemy vzaimodeystviya* [Civilisational Consciousness and Historical Knowledge: Problems of Interaction]. Moscow, Nauka. 499 p.

Loskiy, N. O. (1991). *Usloviya absolyutnogo dobra* [Conditions of Absolute Good]. Moscow, Politizdat. 227 p.

Mironov, B. N. (2014–2015). *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [The Russian Empire: From Tradition to Modernity]. 3 Vols. St Petersburg, Dmitry Bulanin. 896 p.; 912 p.; 992 p.

Opyt rossiyskikh modernizatsiy XVIII–XX veka [The Experience of the Russian Modernisations of the 18th – 20th Centuries] (2000). Moscow, Nauka. 245 p.

Panarin, A. S. (2002). *Pravoslavnaya tsivilizatsiya v global'nom mire* [The Orthodox Civilisation in the Global World]. Moscow, Algoritm. 496 p.

Poberezhnikov, I. V. (2006). *Perekhod ot traditsionnogo k industrial'nomu obshchestvu: teoretiko-metodologicheskiye problemy modernizatsii* [The Transition from the Traditional to the Industrial Society: Theoretical and Methodological Issues of Modernisation]. Moscow, ROSSPEN. 237 p.

Poberezhnikov, I. V. (2013). Frontirnaya modernizatsiya kak rossiyskiy tsivilizatsionnyy fenomen [Frontier Modernisation as a Phenomenon of the Russian Civilisation]. In *Rossiya reformiruyushchayasya*. Iss. 12. Moscow, Novyy khronograf, pp. 246–274.

Primakov, E. M. (2014). *Vyzovy i al'ternativy mnogopolyarnogo mira: Rol' Rossii* [Challenges and Alternatives of the Multipolar World: The Role of Russia]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 316 p.

Proskuryakova, N. A. (2005). Kontseptsii tsivilizatsii i modernizatsii v otechestvennoy istoriografii [Concepts of Civilisation and Modernisation in Domestic Historiography]. In *Voprosy istorii*, 7, pp. 153–165.

Ryazanov, V. T. (1998). *Ekonomicheskoye razvitiye Rossii: Reformy i rossiyskoye khozyaystvo v XIX–XX vv.* [The Economic Development of Russia: Reforms and the Russian Economy between the 19th and 20th Centuries]. St Petersburg, Nauka. 796 p.

Shapovalov, V. F. (2003). *Istoki i smysl rossiyskoy tsivilizatsii* [The Origins and Meaning of the Russian Civilisation]. Moscow, FAIR-Press. 628 p.

Sotsial'no-demograficheskiye i kulturno-mentalnye transformatsii v kontekste rossiyskikh modernizatsiy XVIII–XX vv. [Socio-Demographic and Cultural-Mental Transformations in the Context of the Russian Modernisation of the 18th–20th Centuries]. (2014). Yekaterinburg, ASPUr. 162 p.

Strategiya nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii [The Strategy of the Scientific and Technological Development of the Russian Federation] (2016). In *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 49, p. 16747–16760.

Suvorov, D. V. (2006). *Smena subsivilizatsiy i modernizatsionnye volny v kul'turno-istoricheskoy razvitiy Rossii* [The Change of Sub-civilisations and Modernisation Stages in the Cultural-Historical Development of Russia]. Avtoref. dis. ... kand. kul'turologii. Yekaterinburg, S. n. 25 p.

Toynbee, A. J. (1991). *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Moscow, Progress. 736 p.
Tsivilizatsionnoe svoeobraziye rossiyskikh modernizatsiy XVIII–XX vv. : prostranstvenno-vremennoy aspekt [The Civilisational Peculiarities of the Russian Modernisations between the 18th and 20th Centuries: The Spatial-Temporal Aspect]. (2011). Yekaterinburg, Institut istorii i arkheologii UrO RAN. 383 p.

Utkin, A. I. (2002). *Vyzov Zapada i otvet Rossii* [The Challenge of the West and Russia's Response]. Moscow, Algoritm. 541 p.

Yerasov, B. S. (2002). *Tsivilizatsii: universalii i samobytnost'* [Civilisations: Universal Features and Identity]. Moscow, Nauka. 524 p.

Zubkov, K. I. (2011). Geopoliticheskaya motivatsiya razrabotki i realizatsii Uralo-Kuzbasskogo proyekta [The Geopolitical Motivation of the Design and Implementation of the Ural-Kuzbass Project]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, 1, pp. 22–27.

Zubkov, K. I. (2017). Moderniziruyushchayasya imperiya i istoki russkoy revolyutsii 1917 g. [Modernising the Empire and the Origins of the Russian Revolution of 1917]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, 3, pp. 61–70.

The article was submitted on 19.02.2017